

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Л. Ю. Тугушева

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Вопрос о порядке слов как проблема в отношении каждого языка возникает уже потому, что речь по природе своей линейна и слова в речи произносятся всегда в какой-то последовательности. Нетрудно заметить, что слова в речи не нагромождаются в хаотическом беспорядке, а сгруппированы согласно определенным правилам, правилам организации предложения. Неизменным организующим звеном любого предложения, словосочетания, синтагмы или иного отрезка речи выступает порядок слов.

Организуя предложение, порядок слов может выполнять в нем разноплановые функции, выступая: в функции выражения членов предложения, т. е. синтаксической, в коммуникативно-синтаксической (выражение «данного» и «нового») или в стилистической функции.

Для порядка слов в тюркских языках характерны все перечисленные функции, и в этом смысле общая теория порядка слов в полной мере приложима и к тюркским языкам. Вся проблема порядка слов в отдельных языках обычно сводится к тому, чтобы выявить, какой из этих функций в данном языке отдается предпочтение. Сопоставляя в этом плане тюркские языки с другими, Н. К. Дмитриев пишет: «. . .если тюркские языки не допускают такого свободного порядка слов, как русский. . . , то они и не соотносятся, например, с французским языком с его связанным порядком слов. Так, например, в татарском предложении *тегуче кием тегэ* 'портной платье шьет' только определенный порядок слов (подлежащее — дополнение — сказуемое) позволяет нам определить падежную функцию слова *кием*, которое формально ничем не отличается от слова *тегуче*: единственным дифференцирующим фактором служит здесь порядок слов»¹. В настоящее время, пожалуй, не вызывает сомнений то, что тюркские языки нельзя безоговорочно отнести к категории языков со связанным

¹ Н. К. Дмитриев, *Детали простого предложения*, — ИСГТЯ, ч. III, М., 1961, стр. 19.

порядком слов, в которых сугубо синтаксическая (грамматическая) функция порядка слов выдвигается на первый план в ущерб функции коммуникативной и стилистической. Роль порядка слов в тюркских языках многообразна. И вопрос сводится лишь к тому, чтобы показать конкретно назначение и функции порядка слов как организующего звена в словосочетаниях и предложениях.

Использование порядка слов в целях грамматических в тюркских языках строго регламентировано. В многочисленных работах о порядке слов в конкретных тюркских языках высказано много оригинальных суждений по этому поводу, но суть их в общих чертах сводится к тому, что сказано в следующей цитате: «Грамматическая роль порядка слов проявляется: 1) во всех случаях использования приема примыкания как одного из способов выражения синтаксических отношений; в этом случае порядок слов получает морфологическое значение; 2) в словосочетаниях, при перемене мест членов которых получается иная синтаксическая структура: *güzel at* 'красивая лошадь', *at güzel* 'лошадь — красива'»².

Как мы видели выше, Н. К. Дмитриев приводит еще третий случай, когда с помощью порядка слов устанавливаются синтаксические функции подлежащего и дополнения: *тегуче кием тегэ* 'портной шьет платье', *балыкчы балык тот* 'рыбак ловит рыбу'. Однако в примерах этого типа синтаксическую функцию порядка слов можно было бы признать лишь с некоторыми оговорками следующего характера: данный тип предложения — это, строго говоря, не типическая модель тюркского предложения. Это скорее хрестоматийный пример, кратчайший вариант обычно более полной модели. В более развернутом варианте этой модели синтаксическая функция его членов выявляется и без участия порядка слов. Ср.: *без белгэн тегуче өске кием тегэ* 'портной, которого мы знаем, шьет верхнее платье'; *өске кием без белгэн тегуче тегэ* 'верхнее платье шьет (тот) портной, которого мы знаем'. В этом случае, как мы видим, инверсия не приводит к изменению синтаксического значения компонентов предложения. При перестановке вносится лишь дополнительный стилистический оттенок.

Немаловажную роль играет также семантика сочетающихся слов (например, то, выражают ли они одушевленные или неодушевленные предметы), что также способствует синтаксической дифференциации неоформленного объекта и субъекта действия: *эби сөт сата* 'бабушка продает молоко' и *сөт эби сата* 'молоко продает бабушка'. В этом случае перестановка также не меняет синтаксической роли подлежащего и прямого дополнения, лишь ло-

² А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературно языка*, М.—Л., 1956, стр. 433.

гическое ударение переносится с одного слова на другое, с субъекта на объект.

И еще один фактор: в предложениях указанного типа перестановка подлежащего и дополнения часто сопровождается оформлением прямого дополнения аффиксом винительного падежа. Например: *эби бала карый* 'бабушка смотрит за ребенком' и *бала эбисен карый* 'ребенок смотрит за (своей) бабушкой', но не *бала эби карый*. Происходит это в силу того, что словосочетания типа *бала карау* 'смотреть за ребенком', 'нянчить ребенка' — это уже не в полной мере свободные словосочетания. Это тот тип словосочетаний, в которых в силу повышенной частотности совместного употребления происходит стяжение их элементов — явление довольно частое в языках разных типов. Вот что, к примеру, пишет В. Г. Гак об аналогичном явлении во французском языке: «... широта семантики многих французских слов, особенно глаголов, приводит к тому, что слово уточняет свое значение только в контексте, что делает более тесной и обязательной связь этого слова с относящимися к нему другими словами. Это в свою очередь ведет к установлению более тесной связи между компонентами синтаксических групп»³.

В аналогичных по структуре предложениях, в которых, однако, не фигурируют подобного рода стяженные словосочетания, объект, как правило, выступает оформленным: *иске яцаны саклы* 'старое бережет новое', т. е. в предложениях этого типа грамматическая функция порядка слов, строго говоря, отсутствует. Ведь «о подлинно грамматической функции порядка слов можно говорить лишь там, где разным расположением слова в предложении реализуется противопоставление двух синтаксических категорий»⁴, а в данном случае этого мы не наблюдаем.

Вновь возвращаясь к тому, что говорилось о стяженных синтаксических группах, отметим, что процесс стяжения синтаксических групп в тюркских языках имеет место. В этом нетрудно убедиться, сопоставив некоторые древнетюркские синтаксические модели с моделями современных тюркских языков.

В древнетюркских языках синтаксис по сравнению с синтаксисом современных тюркских языков выглядит более компактным, «упрощенным». Это впечатление создается целым рядом специфических черт древнетюркского синтаксиса, таких, как: упо-

³ В. Г. Гак, *О стяжении синтаксических групп во французском языке*, — ИДВШ. Филологические науки, 1959, № 4, стр. 54.

⁴ F. Daneš, *K otázce pořádku slov v slovanských jazycích*, — «Slovo a slovesnost», 1, 1959 (резюме на русск. яз., стр. 101).

требление некоторых глаголов, которые в современных тюркских языках выступают в качестве вспомогательных как полнозначимых: *näy näy sabim ärsär* (КТМ₁₁) 'все, что я имел сказать'; *tört buluy qor jäy ärmis* (КТБ₂) 'по четырем направлениям врагов у них было много' (глагол *är-* в этих примерах употребляется не как вспомогательный, каковым мы привыкли видеть его в современных языках, а как полнозначимый в свободной синтаксической конструкции); отсутствие формального показателя подчинения (управления) там, где в современных языках он неизбежен: *qağan olurtim* (КТМ₉) 'я сел на царство каганом'; *ötükän jer olurip* (КТМ₈) 'живя в отюкенской стране'; употребление именных определителей непосредственно при глаголе: *kim isiz qiliq tutsa öldi tirig* (QVK 354₉) 'тот, кто подвержен поступкам дурным, умер живым'. Т. е. в древнетюркских языках фигурируют свободные словосочетания там, где в современных языках употребляются аналитические, «связанные» или стяженные конструкции, которые представляют собой не что иное, как результат последующего развития тюркских языков.

Какова роль и значение стяженных синтаксических групп для синтаксического членения и понимания текста, можно продемонстрировать на следующем примере: древнетюркское словосочетание *jäyiz jer toprağı* (Suv 412₂) можно перевести двояко: 'прах бурой земли' или 'бурый прах земли' в зависимости от того, какую пару в этом словосочетании, состоящем из трех элементов, мы примем как более устойчивую в своих связях: *jäyiz jer* или же *jer toprağı*, так как наши сведения об устойчивых и фразеологизированных сочетаниях в древнетюркских языках пока не позволяют нам с полным основанием отдать предпочтение тому или другому варианту, а по материалам современных тюркских языков оба они в одинаковой мере допустимы как устойчивые.

Однако определенный, заранее заданный порядок слов даже в языках с довольно свободным порядком слов существует для всякого предложения вот в каком смысле: «. . . в основе каждого законченного предложения лежит готовый образец предложения — тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых предложений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в законченном виде «даны» традицией, подобно корневым и грамматическим элементам, абстрагируемым из отдельного законченного слова»⁵.

Модели прямого порядка слов в разных тюркских языках

⁵ Э. Сепир, *Язык*, М.—Л., 1934, стр. 30.

в принципе могут быть разными. В большинстве тюркских языков сказуемое в предложении занимает конечную позицию. Однако существуют языки, как, например, гагаузский, где согласно нормам прямого порядка слов сказуемое занимает второе или третье место перед прямым и косвенным дополнением: *Бешалма — бир бүүк койдур Чадыр районунда* 'Бешалма — это большая деревня в Чадырском районе'; *Николай тракторист, үренер докизунжу класста авшам школасында* 'тракторист Николай учится в девятом классе вечерней школы' ⁶. Иные требования и нормы в отношении порядка слов часто устанавливаются в поэтической и разговорной речи. В поэтической речи в обычном повествовательном предложении сказуемое может быть вынесено на первое место:

Таппадым көмек өзіме
Көп наданмен алысып
 'Я поддержки себе не нашел
 В борьбе со скопом невежд'.

(А. Кунанбаев)

Такого рода перестановка не привносит никакого дополнительного значения, а следовательно, это нельзя назвать инверсией в обычном смысле этого слова. Это своего рода типическая норма порядка слов в стихотворной речи.

Изложенные выше факты свидетельствуют о том, что структура модели не всегда диктуется синтаксической необходимостью, а имеет условно-традиционный характер. Но, вычленившись в ходе развития языка, модель порядка слов, как и всякая другая языковая модель, получает определенную грамматическую значимость и в дальнейшем перемещение слов внутри модели влечет за собой смысловое изменение данного словосочетательного комплекса. Обычная модель прямого порядка слов (подлежащее — дополнение — обстоятельство — сказуемое) ⁷ может нарушаться по требованиям логико-грамматического (актуального) членения и стилистическим требованиям. Например, предложение *мин Казанга киттем* 'я поехал в Казань' может иметь четыре варианта словоразмещения: *мин киттем Казанга* 'я поехал в Казань', *киттем мин Казанга* 'поехал я в Казань', *Казанга мин киттем* 'в Казань я поехал' в зависимости от того, какой член предложения мы принимаем за «данное» и что «нового» мы о нем хотим сообщить, т. е. от актуального членения.

Актуальное или логико-грамматическое членение предложения есть такое членение, при котором в предложении выделяются синтагматические группы (синтагмы) — единицы логико-грам-

⁶ Примеры взяты из сб. «Буджактан сеслар», Кишинев, 1959.

⁷ А. П. Поцелуевский, *Основы синтаксиса туркменского литературного языка*, Ашхабад, 1943, стр. 123—124.

матического членения, порядок следования которых зависит от коммуникативной нагрузки последних. Синтагматический отрезок по емкости может соответствовать слову, словосочетанию и реже более обширному словосочетательному комплексу. На уровне логико-грамматическом следовало бы говорить не о порядке слов, а о порядке расположения синтагм.

Словосочетания, которые очень часто формально соответствуют синтагмам, являются единицами грамматического членения предложения. Будучи номинативной единицей языка, они не выражают законченного суждения, не заключают в себе отношений предикативных и, значит, не подвергаются актуальному членению. Следовательно, в применении к словосочетаниям можно говорить лишь о двух функциях порядка слов: о функции грамматической и функции стилистической. В дальнейшем, говоря о словорасположении в словосочетаниях, мы будем касаться главным образом определительных словосочетаний, так как глагольные словосочетания, начиная от зависимого элемента третьей степени, автоматически превращаются в словосочетания определительные. Ср.: *йорт табылмый* 'не найдется дома' и *уңайлы йорт табылмый* 'не найдется подходящего дома'; *бакчага караган* 'обращен в сторону сада', *Волга ярындагы бакчага караган* 'обращен в сторону сада на волжском яру'. Для того чтобы решить, в какой мере порядок слов в определительных словосочетаниях может стать средством выражения грамматических отношений или стилистическим приемом, необходимо установить, наличествуют ли в словосочетаниях, так же как и в предложениях, модели прямого порядка слов, изменение которых приводит к изменению значения словосочетания или усилению логического акцента на том или ином слове.

Прежде всего укажем, что возможны такие случаи, когда определение ставится после определяемого, и тем не менее словосочетание не превращается, как следовало бы ожидать, в предикативное, а остается атрибутивным. Такая позиция определения часто наблюдается в изафетных словосочетаниях третьего типа: *жаның бар мы узеңнең* (Г. Ибрагимов) 'А душа в тебе есть?'. В этом случае, когда определение или группа определения следует за определяемым, сохраняя свою синтаксическую функцию, наблюдается так называемая парцелляция определения; перед нами уже не целое словосочетание, а два члена предложения, каждый из которых может нести самостоятельную коммуникативную нагрузку, т. е. модель нарушается, и словосочетание теряет свою целостность.

Во всех остальных случаях определение всегда располагается перед определяемым.

Среди определительных словосочетаний можно выделить три основных типа, модели: словосочетания с однородными определениями (*урмансыз, тавсыз, елгасыз сахра* 'степь без леса, без гор, без рек'), словосочетания с последовательно подчиненными определениями (*уртадагы вагонның ишеге* 'дверь среднего вагона') и словосочетания с раздельно подчиненными определениями (*августның жилле-яңгырлы караңгы бер көне* 'ветренный и дождливый, мрачный августовский день'). Сточки зрения порядка размещения элементов внутри них эти три типа определительных словосочетаний могут быть охарактеризованы следующим образом: первый тип — словосочетания с однородными определениями характеризуются наибольшей подвижностью входящих в их состав определений, скажем ли мы: *урмансыз, тавсыз, елгасыз сахра* или же *тавсыз, урмансыз, елгасыз сахра* или *елгасыз, тавсыз, урмансыз сахра*, грамматическое и стилистическое соотношение значений членов словосочетания от этого не изменится.

В словосочетаниях с последовательно подчиненными определениями изменение порядка определений влечет за собой изменение общего значения словосочетания: *уртадагы вагонның ишеге* 'дверь среднего вагона', но *вагонның уртадагы ишеге* 'средняя дверь вагона'. Если в словосочетаниях первого типа порядок слов не несет никакой функции — ни грамматической, ни стилистической, то во втором случае, как мы видим, он несет грамматическую функцию.

В словосочетаниях третьего типа состав определений семантически и грамматически разнороден и позиция каждого члена словосочетания определяется множеством причин. С одной стороны, определения, не оформленные специальными атрибутивными аффиксами, примыкающие определения ставятся непосредственно перед определяемым, так как контактное по отношению к определяемому расположение и есть их синтаксический показатель, а определения, оформленные специальными аффиксами (причастия, относительные прилагательные, имена в форме принадлежности), ставятся в начале словосочетания (*ауылдың ақсақ қарт кутушісі* 'хромой старый аульный пастух'). С другой стороны, поскольку каждое определение служит конкретизации определяемого им предмета (понятия), вырабатывается перекрестное правило, согласно которому ближе к определяемому ставятся определения, выражающие признаки более общие, дальше от него — признаки более конкретные, т. е. фактор формальный корректируется фактором семантическим.

Хотя некоторые авторы (А. Гулямов, Дж. Чакенов) выделяют среди разных видов определений такие, которые всегда выражают только общие (постоянные) признаки, и определения, выражаю-

щие признаки случайные (конкретные), однако чаще общий или случайный характер признака определяется субъективно, и расположение определений зависит от воли говорящего, т. е. вводится фактор стилистический.

В качестве примера можно сослаться на любопытные рассуждения Г. Г. Сеитбатталова⁸ о трех вариантах перевода на башкирский язык словосочетания «новый цветной художественный фильм» (*яңы художестволы төсле фильм, художестволы яңы төсле фильм, яңы төсле художестволы фильм*), которые достаточно хорошо иллюстрируют, насколько субъективным часто может быть выбор того или иного порядка расположения определений в словосочетаниях данного типа. И тем не менее даже в определенных словосочетаниях третьего типа расположение определений по формальному признаку является основным «прямым» порядком, а все другие варианты инверсивными. В том же примере *ауылдың ақсақ қарт күтушісі*, если мы расположим определители в ином порядке, как, например: *ақсақ қарт ауылдың күтушісі*, то логический акцент падает на примыкающие определения *ақсақ, қарт*, так как они оказываются в необычной для них позиции в начале словосочетания и стилистически выделяются. И эта инверсивность уловима и заметна лишь потому, что она соотносится с определенным, в ходе развития языка установившимся основным порядком.

И в этом смысле при описании порядка слов какого-либо языка экономичнее и компактнее все словорасположение представить в форме синтаксических моделей, как это делает, к примеру, Л. Б. Свифт в своей грамматике турецкого языка⁹, чем пытаться перечислить все правила и варианты расположения слов в предложениях и словосочетаниях, тем более что существуют такие модели, как, например, трехчленная определительная конструкция типа *менің барбан өйім* (или: *мен барбан өй*) 'дом, в который я пошел'¹⁰ или же синтаксически синкретичные конструкции, как *jemiş dolu bahçe* 'сад, полный плодов'¹¹, которые бесполезно было бы пытаться анализировать по членам предложения и устанавливать в них какие-то правила словоупорядка.

⁸ Г. Г. Сеитбатталов, *Ғөйләмнең эйәрсен кисәктәре һәм уларҙың синтаксик тәбиғәте*, — Ученые записки Башкирского Гос. университета», башкирская филологическая серия № 2, вып. III, Уфа, 1958

⁹ L. B. Swift, *A reference grammar of modern turkish*, Bloomington, 1963.

¹⁰ Е. А. Поцелуевский, *Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации*, — «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962.

¹¹ Э. В. Севортьян, *О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках*, — ИСГТЯ, ч. III, М.—Л., 1961, стр. 8.